

УДК 94(47)''1917'':338.486.4

**ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ МОСКВЫ И ПЕТРОГРАДА В ПЕРВЫЙ
ГОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

М. К. Шаццло

Российская академия наук,
Институт российской истории,
Центр изучения истории России XIX века, Москва

В статье рассматривается период с октября 1917 г. до осени 1918 г., который стал «переходным» этапом в истории предпринимательства Москвы и Петрограда. Автор показывает двойственность их позиции: проявления оппозиционности сочеталось с лояльным отношением к тем шагам Советской власти, которые отвечали интересам бизнеса.

Ключевые слова: российские предприниматели, представительные торгово-промышленные объединения, предпринимательские организации Москвы и Петрограда.

История отечественного предпринимательства после Октября 1917 г. не привлекала пристального внимания исследователей, да и сам этот рубеж является в нашем сознании некоей символической чертой, за которой на исторической сцене страны сразу появились новые общественные и экономические реалии. Между тем изменение социального пейзажа в послереволюционной России происходило не так стремительно, как это кажется по прошествии многих десятилетий. Об этом свидетельствует пример Москвы и Петрограда – двух крупнейших экономических центров России, где находились наиболее влиятельные торгово-промышленные организации страны.

Деловые круги не восприняли октябрьский переворот как экстраординарное событие. Объяснялось это тем, что, с одной стороны, противники советской власти не верили в прочность большевистского режима. С другой – торгово-промышленный мир уже в течении нескольких лет испытывал форс-мажорные обстоятельства Первой мировой войны, когда в рамках мобилизации народного хозяйства был введен ряд чрезвычайных и запретительных мер. Февральская революция отнюдь не оправдала ожиданий предпринимателей: степень государственного вмешательства в экономику лишь усилилась, а нараставший социально-экономический кризис не давал оснований для оптимизма. Именно поэтому к Октябрю 1917 г. торгово-промышленники отнеслись как к очередной досадной неприятности.

Немаловажно и другое обстоятельство: большевики не сразу поставили точку в истории частного предпринимательства. Программа социалистического реформирования народного хозяйства осуществлялась постепенно, и процесс национализации банков, промышленности, внешней торговли оказался растянутым во времени. Как вспоминал крупный предпри-

ниматель В. А. Ауэрбах, первоначально при советской власти «в общих чертах порядка оставались теми же, как и при Временном правительстве, и казалось, что произошёл не переворот, а смена кабинета»¹). Вплоть до осени 1918 г., когда обострилась политическая ситуация в стране, предприниматели за редким исключением покидали места постоянного проживания и вели, насколько это было возможно, привычный образ жизни.

Даже первые радикальные акции большевиков – захват Государственного банка (ноябрь 1917 г.) и начало процесса национализации частных банков (декабрь 1917 г.) оставляли свободу маневра для предпринимательской деятельности. Ликвидация независимых кредитно-финансовых учреждений и слияние их с Госбанком в единый Народный банк продолжались фактически до конца 1919 г. Де-факто частные банки продолжали функционировать, а их клиентам не было запрещено распоряжаться своими средствами. Только по декрету от 28 июня 1918 г. был наложен «временный» арест на личные счета, но он касался членов правлений, акционеров и собственников национализированных предприятий. Однако и после этого владельцы промышленных заведений могли снимать деньги на личные расходы со счетов принадлежащих им предприятий, хотя выдаваемые суммы ограничивались распоряжениями главного комиссара Народного банка².

Декрет СНК о национализации внешней торговли от 22 апреля 1918 г., по мнению историка В. А. Шишкина, не завершил перестройку «внешней торговли на основах государственной монополии, а лишь положил ей начало... С момента появления декрета 22 апреля и примерно до осени 1918 г. имел место переходный период от контроля к установлению подлинной монополии»³. Особенностью этого времени было то, что государство, опасаясь усиления товарного голода, не ввело запрет на ввоз и вывоз по частным сделкам, заключённым до появления декрета. Более того, поскольку большевистское правительство ещё не было способно своими силами осуществлять внешнюю торговлю, оно вынужденно пошло на отступление от декрета, разрешив отдельные экспортно-импортные операции, не санкционированные до 22 апреля. В результате в Москве и Петрограде стали учреждаться частные предприятия, ориентированные на внешнеторговые операции.

К лету 1918 г. были созданы и приступили к операциям 12 товариществ по торговле с разными странами, ещё 7 находились в стадии организации. В июле для координации действий внешнеторговых объединений был создан «Союз международных торговых товариществ». По воспоминаниям В. Б. Лопухина, директора правления Русско-Датского товарищества, средства на организацию Союза, главная контора которого помещалась в Петрограде, выдал один из самых состоятельных россий-

¹ Ауэрбах В. А. Революционное общество // Архив русской революции. Берлин. 1922, 1924. Т. 16. С. 53. (репринт. изд.: М. 1991)

² История Министерства финансов в России: в 4 т. М. 2002. Т. 2. С. 136.

³ Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Л., 1969. С. 91–92.

ских предпринимателей К. И. Ярошинский⁴. Союз был создан в целях «содействия развитию товарообмена России с иностранными государствами и облегчения условий русской внешней торговли». В состав его руководящих органов вошли высшие чины бюрократии (главным образом, представители дипломатического ведомства) и известные российские предприниматели. Председателем разделённого на 2 собрания (петроградское и московское) Совета Союза являлся последний министр иностранных дел царского правительства Н. Н. Покровский⁵. В Москве и Петербурге Союзом были основаны многочисленные общества («Гермес», «Экрос», «Менгден и К°», «Лемке и К°»), занимавшиеся посреднической деятельностью. Несмотря на то что «Союзу международных торговых товариществ» так и не удалось развернуть широкую предпринимательскую деятельность, он смог просуществовать более года, а его многочисленные служащие получали неплохое денежное содержание.

В относительно благоприятных условиях находились и владельцы промышленных предприятий. Национализация промышленности, как и другие первые экономические мероприятия советской власти, не стала единовременной акцией и реализовалась в несколько этапов. В конце 1917 г. рядом декретов были национализированы только отдельные крупные предприятия, весной 1918 г. – объявлена национализация лишь некоторых важнейших отраслей тяжелой индустрии. Однако и после ускорения процесса национализации собственники не были отлучены от их фабрик. Согласно декрету от 28 июня 1918 г. о национализации крупной промышленности, предприятия, объявленные достоянием Республики, признавались находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев впредь до особого распоряжения ВСНХ в отношении каждого отдельного предприятия. Правления и бывшие собственники обязывались финансировать эти предприятия на прежних основаниях⁶. Как свидетельствует известный московский предприниматель П. А. Бурьшкин, после июньского декрета «началось постепенное (подчеркнуто нами. – М. Ш.) отстранение прежних владельцев и руководителей фабрик, а вместе с тем и организация нового управления предприятий, поступивших в собственность государства... Национализация фабрик продвигалась очень медленно и была закончена только к началу 1919 г.»⁷

Определённый декретами порядок национализации, безусловно, не означал того, что собственники были защищены от произвола новой вла-

---

⁴ Лопухин В. Б. После 25 Октября // Минувшее. Исторический альманах. Париж, 1986. С. 44. Автор воспоминаний – действительный статский советник, камергер В. Б. Лопухин – до октября 1917 г. возглавлял Департамент общих дел Министерства иностранных дел.

⁵ Там же. С. 85.

⁶ Механик С. Финансово-кредитные проблемы в период национализации промышленности в СССР. М., 1957. С. 17–18.

⁷ Состояние хлопчатобумажной промышленности в СССР // Труды Общего съезда представителей русской торговли и промышленности в Париже, Париж, 1921. С. 2.

сти. Напротив, в условиях торжества не закона, а революционной целесообразности, как вспоминал сотрудник юридического отдела ВСНХ А. Гурович о событиях мая 1918 г., «"национализировал" всякий, кто хотел: местные "совнархозы", "исполкомы", "военревкомы" – даже чрезвычайки в порядке карательных "конфискаций"»⁸. Однако те заведения, которые оставались ненационализированными, могли пользоваться преимуществами относительной свободы. На практике даже рабочий контроль над производством, введённый на фабриках и заводах в 1917 г., не означал прямого вмешательства в производственный процесс, руководителями которого в качестве «буржуазных специалистов» зачастую оставались прежние владельцы. При рабочем контроле сохранялась прежняя система управления предприятиями, в силе оставалось право владения акциями и получения дивидендов, старой администрации выплачивалось жалование.

Нередко управляющие предприятий, которые не были национализированы, вследствие неопределённости юридической ситуации укрывали от новой власти финансы своих заведений. Представители рабочего контроля выявляли многочисленные случаи, когда заводской администрации фабрик Москвы и Центрального промышленного района удавалось распоряжаться средствами предприятий по своему усмотрению (в том числе на личные нужды)⁹. Однако центральные органы Советской власти не сразу стали применять в отношении руководителей производства санкции, ужесточая их лишь по мере развертывания процесса национализации. Характерно, что только 29 октября 1918 г. Президиум ВСНХ вынес решение о немедленной конфискации всех сумм, числящихся на личных текущих счетах владельцев национализированных предприятий в банках, с перечислением конфиската на счета принадлежавших им ранее предприятий. Одновременно подлежали закрытию личные счета бывших директоров и членов правлений национализированных фирм, где могли укрываться средства, изъятые из оборота предприятий¹⁰.

В первой половине 1918 г. значительную активность проявляли и владельцы ценных бумаг, которые заключали выгодные сделки с западными партнерами, заинтересованными в приобретении отечественных кредитных учреждений (а также и промышленных предприятий) с целью установления контроля над российской экономикой. Хотя Советское правительство поставило вне закона тайные сделки банкиров и их связи с иностранными посольствами, многие частные банки нелегально осуществляли спекулятивные сделки с прежними ценностями¹¹. К числу одной из самых громких можно отнести операцию, осуществлённую крупнейшим акционером столичного

⁸ Гурович А. Высший Совет Народного Хозяйства. Из впечатлений года службы // Архив русской революции. Берлин, 1922. (репринт. изд. М. 1991). Т. VI. С. 311.

⁹ Национализация промышленности в СССР: сб. док. и матер.: 1917–1920 гг. М., 1954. С. 165–167, 368, 392, 431–432 и др.

¹⁰ Механик С. Указ. соч. С. 133.

¹¹ Гиндин А. М. Как большевики национализировали частные банки. М., 1962. С. 102, 127–128.

Сибирского банка Н. Х. Денисовым, который весной 1918 г. продал весь пакет принадлежащих ему акций английскому банкирскому дому Шредер и К¹², получив в результате этого свыше пяти сотен тысяч фунтов стерлингов. Известному финансовому магнату К. И. Ярошинскому удалось в начале 1919 г. осуществить на парижской бирже операцию, целью которой было спасение упавших к тому времени в цене русских акций и облигаций и превращение их во французские ценные бумаги. Продать свои акции иностранцам удалось и представителю крупнейшего промышленного концерна И. Стахеева П. Батолину, который осенью 1918 г. отправился в США и в январе 1919 г. подписал соглашение о продаже акций компании И. Стахеева «Американской международной корпорации»¹³.

На первых порах, до лета 1918 г., большевики не проводили активной политики террора по отношению к «классовым врагам пролетариата». Карательные органы сравнительно терпимо относились к проявлениям оппозиционности со стороны представителей торгово-промышленных кругов и реагировали на них с удивительной (исходя из последующего развития событий) мягкостью. Предприниматели, проявлявшие нелояльность к Советам, не подвергались жесткому преследованию. Когда 29 ноября на основании декрета СНК от 28 ноября (11 декабря) 1917 г. «Об аресте вождей гражданской войны против революции» был заключён под стражу председатель петроградского «Совета съездов промышленности и торговли» Н. Н. Кутлер, представительные предпринимательские организации вступили в активную переписку с органами ВЧК о необходимости его освобождения и менее чем через три недели Н. Н. Кутлер вышел на свободу¹⁴. Однако вскоре его имя опять попало в поле зрения Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. В конце декабря 1917 г. при личном участии Ф. Э. Дзержинского началось расследование деятельности центрального стачечного комитета «Союза союзов служащих государственных учреждений», который руководил забастовкой чиновников, протестовавших против Советской власти. Как выяснилось в ходе дознания, Н. Н. Кутлер передал значительные средства (свыше миллиона рублей), полученные от нескольких московских предприятий, бастующим служащим 9 петроградских банков. В процессе расследования дела «Союза союзов» ВЧК арестовала лидеров стачки чиновников, однако все они были освобождены после дачи подписки об отказе от участия в актах саботажа¹⁵. В отношении Н. Н. Кутлера применение мягких мер, как

¹² Kettle M. The allies and the Russian collapse. London. 1981. P. 242–244; *Тарновский В. В.* История Сибирского торгового банка // Материалы по истории России в период капитализма: Труды ГИМ. М., 1976. Вып. 46. С. 168.

¹³ *Фурсенко А. А.* Концерн К. И. Ярошинского в 1917–1918 гг. // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С. 283–284.

¹⁴ См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 32. Оп. 1, Д. 32. Л. 9–12.

¹⁵ До завершения следствия под арестом находился лишь председатель «Союза союзов» Кондратьев, однако 2 марта 1918 г. по решению Следственной комиссии был освобо-

показало время, вполне себя оправдало: менее чем через год после описываемых событий он стал тесно сотрудничать с Советской властью, был членом правления Государственного банка РСФСР и участвовал в подготовке и реализации денежной реформы 1922–1924 гг.

Достаточно мягко большевики относились на первых порах не только к так называемым саботажникам, но и к активным противникам нового режима. В марте 1918 г. в Москве чекистами была выявлена подпольная организация, занимавшаяся вербовкой офицеров старой армии, снабжением их и отправкой на Дон к Каледину и Корнилову. Выяснилось, что большую роль в финансировании подполья играл известный предприниматель В. В. Бари, бывший гражданин Соединенных Штатов, принявший в 1910 г. российское подданство. Бари был заключён под стражу, но консульство США в Москве выступило с ходатайством об освобождении его до суда. Официальное дипломатическое поручительство было удовлетворено, обладатель двойного гражданства вышел на свободу и, не дожидаясь решения Московского революционного трибунала, покинул территорию Советской России¹⁶.

Для первых месяцев после октябрьского переворота было характерно терпимое отношение новой власти к «классовым врагам». Работа представительных торгово-промышленных организаций Москвы и Петрограда не прекращалась. Деятельность предпринимательских объединений в этот период была довольно противоречивой.

Сразу после октябрьских событий Всероссийский союз торговли и промышленности («Протосоюз»), представлявший интересы преимущественно московской буржуазии и предпринимателей Центральной России, на заседании 9 ноября 1917 г. постановил «выработать циркулярное воззвание... намечающее общую линию поведения торгово-промышленного класса при создавшихся условиях». В утверждённом 13 ноября тексте обращения «Протосоюза» одобрялся бойкот чиновниками советских учреждений и распоряжений новой власти и предприниматели призывались «всемерно укреплять свои организации». В резолютивной части содержалось обращение ко «всем членам торгово-промышленного класса самым энергичным образом выступить в защиту поправленных прав народа и дать твердый единодушный отпор совершаемому беззаконию»¹⁷.

Несмотря на то, что представители торгово-промышленных кругов участвовали в работе антисоветских подпольных организаций («Правый центр», «Национальный центр» и др.)¹⁸, предприниматели и их организации до известных пределов готовы были идти на сотрудничество с Советами

бождён и он. Подробнее об этом см.: *Голинков Д. Л.* Первое дело ВЧК // История СССР. 1965. № 4. С. 120–123.

¹⁶ *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР: 2-е изд. М., 1978. Кн. 1. С. 86.

¹⁷ Отдел письменных источников ГИМ (далее – ОПИ ГИМ). Ф.10. Оп. 1. Д.42. Л. 43.

¹⁸ См.: *Лаверычев В. Я.* Всероссийский союз торговли и промышленности // Исторические записки. № 70. 1961. С. 57–60; *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и её разгром. М., 1982. С. 38, 101, 118–123, 152.

ми. В частности, 10–11 апреля 1918 г. состоялось совещание по банковскому делу, созванное главным комиссаром Госбанка. В нём приняли участие 18 чиновников дореволюционных министерств и 33 бывших банковских сотрудников. В результате встречи был образован Совет экспертов¹⁹.

На протяжении первой половины 1918 г. «Протосоюз» прошел путь от безоговорочного осуждения большевистского переворота до установления деловых отношений с Советской властью. Так, уже в декабре 1917 г. ведущая организация московских предпринимателей демонстрирует если не готовность сотрудничества с новой властью, то вполне явное желание считаться с её действиями. Комментируя постановление народного комиссара труда А. Г. Шляпникова «О приостановлении работ, условиях учёта и расчёта рабочих» от 21 декабря 1917 г., союз заявил, что «не считает возможным опираться на постановление комиссара труда как на правовую норму, но... полагает, что знакомство с постановлениями подлежащего комиссара могут иногда принести известную пользу при разрешении рабочего вопроса на местах и помочь найти выход из возможных в этой области затруднений»²⁰.

По прошествии всего нескольких недель степень лояльности «Протосоюза» по отношению к новому режиму существенно повысилась. 13/26 февраля 1918 г. юридический отдел «Протосоюза» принял показательное решение по поводу системы советского налогообложения: «уплата налогов, установленных законной властью и законным порядком, несомненно, обязательна для всех граждан в пределах фактической возможности исполнения этого долга. В принципе поэтому и в настоящее время невозможен отказ от уплаты налогов»²¹. На заседании 28 марта/ 11 апреля 1918 г. заведующий юридического отдела А. В. Позняков сообщил членам совета Протосоюза «об установлении деловых сношений... с Советской властью по вопросам о налагаемых на торгово-промышленный класс контрибуциях...»²²

Красноречивую характеристику природы отношений «Протосоюза» с органами центральной власти оставил член его правления А. А. Червен-Водали: «... Всероссийский союз торговли и промышленности, объединяя ещё до большевистского переворота много торгово-промышленных учреждений всей России, сосредотачивает в себе заявления о контрибуциях, об арестах и т. д. И Союз торговли и промышленности возбуждает вопросы перед [народным] комиссариатом юстиции, перед комиссариатом торговли и промышленности и комиссариатом внутренних дел эти вопросы – об облегчении участи отдельных лиц или облегчении общей контрибуции. И очень часто эти ходатайства удовлетворяются. Это была борьба не в буквальном смысле. А это было принятие известных мер к облегчению участи

---

¹⁹ Минувшее. 1986. № 1. С. 86.

²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 42. Л. 58.

²¹ Там же. Д. 42. Л. 61.

²² Там же. Д. 41. Л. 106.

представителей торговли и промышленности, а иногда и предприятий торговли и промышленности»²³.

Подобную же готовность защищать свои права легальными способами выказывала и петроградская представительная организация – «Совет съездов промышленности и торговли». Так, комментируя опубликованное в «Торгово-промышленной газете» (№ 17, 14 марта 1918 г.) разъяснение комиссариата торговли и промышленности о признании неправильным многократного обложения предпринимателей, «Совет Съездов» предложил схему обжалования «неправильных» действий местных властей по установлению налогов, сборов и контрибуций. Как отмечалось в специальном извещении, «Совет съездов рекомендует во всех случаях, когда обложение предприятий не основано на действующих законах и декретах советской власти... немедленно протестовать письменно по телеграфу Народному Комиссару Внутренних дел... и ходатайствовать о сложении или понижении того или иного налога, сбора или контрибуции»²⁴.

Единство московской и петроградской организаций в их стремлении к установлению конструктивных отношений с новой властью не являлось свидетельством того, что они, наконец, перешли к солидарным действиям. Напротив, извечная вражда старых конкурентов не утратила ни грана остроты. «Москвичи» и в условиях новых политических реалий не оставили своих попыток отстоять право первенства в деле представительства интересов предпринимателей. 11 (28 марта) апреля 1918 г. член совета «Прото-союза» М. М. Фёдоров выступил с сообщением об упадке деятельности «Совета съездов» в Петрограде и, ссылаясь на такое важное обстоятельство, как переезд правительства в Москву, предложил правлению союза исследовать вопрос о принятии функций и полномочий «Совета съездов»²⁵.

Это предложение вызвало возмущенную реакцию Н. Н. Кутлера, который 29 мая 1918 г. отправил С. С. Смирнову, исполнявшему в отсутствие П. П. Рябушинского функции председателя организации, письмо с выражением протеста. Этот документ, датированный 29.05.1918 г., проливает свет на деятельность петроградской организации за полугодовой период, прошедший с Октября 1917 г. По словам Н. Н. Кутлера, «Совет съездов» сталкивался в это время с многочисленными трудностями, однако, несмотря на это, «совет не только существует, но и действует. Заседания комитета происходят еженедельно, на них обсуждаются многие вопросы современной жизни, заседания посещаются большим числом лиц. При совете действуют постоянные комиссии по железнодорожным вопросам, по тарифному вопросу, по внешней торговле, часто собираются и заседания временного характера»²⁶.

²³ Заседание чрезвычайного революционного трибунала при Сибирском революционном комитете, 22 мая 1920 года // Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 149.

²⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 35. Л. 40.

²⁵ Там же. Д. 41. Л. 104.

²⁶ Там же. Д. 35. Л. 3–3 об.

Более подробная характеристика деятельности «Совета съездов» содержится в его отчёте, составленном для Совета народного хозяйства Северной области и датированном 26 октября 1918 г. В этом документе говорится, что с октября 1917 г. деятельность организации приняла почти исключительно консультативный характер, что «выразилось... в работе его представителей в учреждениях Советской России», т. е. в комиссии М. Г. Бронского по вопросам мирных переговоров с Германией, в учётно-судном комитете Народного банка, на тарифном и конвенционном съезде в Москве, в Центральном комитете по железнодорожным делам и проч. Среди различных вопросов, которые «служили предметом занятий совета» в послеоктябрьский период, в отчёте отмечались анализ экономических последствий Брестского мирного договора (изменения в вывозной торговле через балтийские порты, потеря железнодорожных линий на территориях, отходящих от России по договору), а также «обсуждение декретов, касающихся торговли и промышленности, и осведомление членов съездов о применении или значении их»²⁷.

Последней акцией петроградской организации предпринимателей стало создание 5 июля 1918 г. комиссии «Совета съездов представителей промышленности и торговли» по вопросу о национализации промышленности под председательством Б. А. Эфрона²⁸, которая составляла положения и инструкции по управлению национализированными предприятиями. Разработанные материалы периодически публиковались в «Торгово-промышленной газете», а последнее (девятое по счёту) заседание комиссии состоялось 1 октября 1918 г.²⁹. Вопросами национализации промышленности активно занималась и другая петроградская организация – «Всероссийский союз общества заводчиков и фабрикантов». 31 января 1918 г. совет этого объединения «большинством голосов постановил признать необходимым немедленное вступление... в деловой контакт с Высшим Советом Народного Хозяйства»³⁰. Подавляющее большинство членов «Всероссийского союза общества заводчиков и фабрикантов», принимавших участие в его работе, выступало в роли активных сторонников осуществления национализации промышленности. Основным мотивом в пользу этой меры служила идея сохранения отечественной индустрии в первую очередь путем централизованных поставок сырья и наведения трудовой дисциплины.

Несмотря на то, что формально деятельность петроградской предпринимательской организации продолжалась до осени 1918 г., ухудшение относительно благоприятных для торгово-промышленников условий существования наступило раньше. Оно было вызвано не столько постепенным ужесточением экономической политики большевиков (развёртывание процесса национализации, принятие декрета ВЦИК об отмене частной собственности на недвижимое имущество в городах (20 августа 1918 г.), введе-

---

²⁷ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 66. Л. 6–8.

²⁸ Там же. Д. 505. Л. 10.

²⁹ Там же. Л. 83–87.

³⁰ Там же. Ф. 150. Оп. 1. Д. 434. Л. 10.

ние единовременных чрезвычайных налогов на имущество слои (30 декабря 1918 г.) и др.), сколько политическими причинами. Весной и в начале лета 1918 г. в условиях втягивания страны в широкомасштабную Гражданскую войну советское правительство приняло ряд решений о более широком применении расстрелов для борьбы с контрреволюцией. Тогда же карательные органы советской власти начали проявлять интерес к деятельности предпринимательских организаций. В апреле в поле зрения ВЧК попал «Российский союз торговли и промышленности для внешнего и внутреннего товарообмена», учреждённый в 1914 г. в Москве. Установленное следствием с апреля 1918 г. наблюдение за ним выяснило, что помещение союза – «не столько контора торгово-промышленного предприятия, сколько место встречи различных “торговых людей”, нечто, заменяющее биржу, где собираются торговые агенты, комиссионеры и другие лица, занимающиеся спекуляцией». 30 августа 1918 г. в прессе было опубликовано сообщение ВЧК об окончании следствия по делу «Российского союза торговли и промышленности для внешнего и внутреннего товарообмена». К делу было привлечено 29 промышленников и биржевиков, обвинённых в спекуляции и хищениях. Участники Союза и связанные с ним лица были арестованы³¹. По стечению обстоятельств в этот же день, 30 августа, был убит М. С. Урицкий и произошло покушение на жизнь В. И. Ленина. В ответ на это было принято знаменитое постановление СНК от 5 сентября 1918 г., официально объявившее начало политики «красного террора».

Осень 1918 г. стала началом массового исхода представителей делового мира на территории, находившиеся вне контроля большевиков. По словам предпринимателя Ю. Н. Поплавского, «когда террор стал нестерпим в Москве, торгово-промышленная буржуазия в одиночку и небольшими группами стала переходить фронт, эмигрируя на Украину»³². Многие предприниматели, бежавшие от советской власти на Юг России или за Урал, приступили там к возрождению старых предприятий (в форме филиалов московских или петроградских фирм) или созданию новых.

Итак, период с октября 1917 г. до осени 1918 г. стал «переходным» этапом в истории предпринимательства Москвы и Петрограда. В это время ещё сохранялось право собственности; торгово-промышленные предприятия, несмотря на введение рабочего контроля и начало процесса национализации, функционировали на прежних основаниях. Представительные предпринимательские организации продолжали работу, однако их деятельности была свойственна известная двойственность: проявления оппозиционности сочетались со вполне лояльным отношением руководящих органов буржуазных объединений к советской власти и готовностью идти на сотрудничество с ней в случаях, когда этого требовали интересы предпринимательства.

³¹ Известия. 1918 г. 30 авг.

³² Les Archives Nationales de la France (Национальный Архив Франции). 8 AS/2 (Документы Торгпрома): Речь в память П. П. Рябушинского, произнесённая Ю. Н. Поплавским на собрании Торгпрома 27.02.1925.

Список литературы:

1. Ауэрбах В. А. Революционное общество // Архив русской революции. Берлин. 1922, 1924. Т. 16.
2. Гиндин А. М. Как большевики национализировали частные банки. М., 1962.
3. Голинков Д. Л. Первое дело ВЧК // История СССР. 1965. № 4.
4. Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР: 2-е изд. М., 1978. Кн. 1.
5. Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982.
6. Лаврычев В. Я. Всероссийский союз торговли и промышленности // Исторические записки. № 70. 1961.
7. Механик С. Финансово-кредитные проблемы в период национализации промышленности в СССР. М., 1957.
8. Тарновский В. В. История Сибирского торгового банка // Материалы по истории России в период капитализма: Труды ГИМ. М., 1976. Вып. 46.
9. Фурсенко А. А. Концерн К. И. Ярошинского в 1917–1918 гг. // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991.
10. Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Л., 1969.
11. Kettle M. The allies and the Russian collapse. London, 1981.

ENTREPRENEURS OF MOSCOW AND PETROGRAD IN THE FIRST YEAR OF SOVIET RULE

M. K. Shatsillo

The Russian Academy of Sciences.

Institute of Russian History, Center for the Study of Russian history of the nineteenth century, Moscow

The article considers the period since October, 1917 till autumn of 1918, which became a «transitive» stage in a history of business of Moscow and Petrograd. Author showed the kind of duality marks their activities: the manifestations of opposition were combined with the quite loyal attitude to Soviet power, when it was required by interests of business.

Keywords: Russian businessmen, representative commercial and industrial associations, entrepreneurial organizations of Moscow and Petrograd.

Об авторе:

ШАЦИЛЛО Михаил Корнелевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения истории России XIX века Института российской истории РАН.

SHATSILLO Michael Kornel'evich – the candidate of historical sciences, the senior scientific employee of the Center of studying of history

of Russia of the XIX-th century of Institute of the Russian history of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: ivabers@list.ru

Статья поступила в редакцию 27.12.2010

Научная библиотека ТвГУ